

ПРИБЫТКОВА Ирина Михайловна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Украины.

Занимается исследованиями в области социологии труда, социальных проблем города и села, социальной защиты населения, социальной статистики и т.д.

Имеет более ста научных публикаций. Постоянный автор, а также член редакционной коллегии нашего журнала.

МЫ — НЕ МАРГИНАЛЫ, МАРГИНАЛЫ — НЕ МЫ?

Понятие маргинальной личности, обогатившее наш словарь на заре перестройки, не ново. И ранее было известно, что в различные исторические времена человек может оказаться в промежуточном положении между классами, между поколениями, на границе различных национальных культур или идеологических систем.

Впервые понятие маргинальной, "промежуточной", находящейся на рубеже разных социальных сред личности сформулировал в 1928 году глава Чикагской школы городской социологии Роберт Эзра Парк в статье, посвященной демографическим и социологическим проблемам Гавайских островов¹. Связывая маргинальность с увеличившейся миграцией, а ее, в свою очередь, с процессом перехода от локальных культур к цивилизации, Парк дал этому понятию широкую историческую и социокультурную интерпретацию.

Дальнейшую разработку тема маргинальной личности получила в монографии Э. Стоунквиста². Проблема личности на рубеже культур определена Стоунквистом как социально-психологическая. Маргинальная личность, полагал он, есть функция социальных условий. Столкновение культур, которое происходит в сознании такой личности, — это форма проявления конфликта социальных групп, представляющих различные культуры. Это различие часто выступает как расхождение моральных идеалов. "Личность на рубеже

¹ Park R.E. Human Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. - 1928. Vol. 33. - № 6. p. 882-893.

² Stonequist E. The Marginal Man // A Study in Personality and culture Conflict. - N-J., 1961.

культур... предназначена судьбой для жизни в двух обществах и в двух не просто различных, но антагонистических культурах"³.

Итак, суть ситуации можно определить как контраст, напряженность или конфликт социальных групп, в котором члены одной группы пытаются приспособиться к другой, "обладающей большим престижем и властью. Эти группы находятся в отношениях неравенства, что бывает молчаливо признано или замаскировано. Люди, принадлежащие к подчиненной или находящейся в меньшинстве группе, социальные связи которых привели их к частичной ассимиляции и психологической идентификации с господствующей группой, все-таки не принявшей их в свои ряды, оказываются в положении личностей на рубеже культур"⁴.

Маргинальный человек, полагал Стоунквист, — это не просто "средняя", или "промежуточная личность", находящаяся между двумя социальными группами, это двойственная по своей культуре личность, причем в основе этой двойственности лежит социальный и национальный антагонизм. Пока личность, принадлежащая к подчиненной группе, не осознает своего положения, конфликт отсутствует. Он возникает тогда, когда личность начинает идентифицировать себя с господствующей группой, хотя в действительности она продолжает оставаться за ее пределами.

Маргинальный человек принадлежит одновременно к двум социальным группам, не сливаясь ни с одной из них. И это нередко вызывает у него психологический дискомфорт. Драматическая раздвоенность порождает у маргинала тревожное чувство одиночества, отчуждения от общества. Нередко внутренний конфликт, моральный и психологический кризис маргинальной личности, потеря социальных идеалов, осознание бессмысленности жизни завершаются трагически. Асоциальность маргиналов, как правило, находит выражение в постоянной готовности к противостоянию. Маргинал агрессивен, его раздвоенное сознание — опасный источник социальной напряженности, своего рода аккумулятор отрицательной энергии, подпитывающей отклоняющееся поведение маргинальной личности.

Концепция Парка-Стоунквиста неоднократно подвергалась критике со стороны американских социологов, которые полагали, что теории маргинализма должна быть придана большая научная строгость. Они находили, что попытки "отцов" этой теории втиснуть проблему маргинальное в узкие рамки психологизма, ориентация сугубо на ее социально-психологический аспект, самосознание индивида непродуктивны. Разгадку сложных явлений, происходящих на рубеже двух культур, следует искать, утверждали они, не в созна-

³ Ibid. - P.XV.

⁴ Ibid. - P. 120-121.

нии "личности на рубеже двух культур", а в самой социальной практике, порождающей маргинальные, промежуточные ситуации. Приоритетное значение должно иметь, по их мнению, исследование самой культуры, формирующейся на рубеже различных влияний, и лишь потом — личности, сложившейся под влиянием этой культуры.

Некоторые из критиков справедливо указывали на недостаточность только социально-культурной интерпретации маргинализма. Д. Головенский, в частности, считал необходимым выяснение социально-классовой природы маргинального конфликта. Ему же принадлежит заслуживающее внимания наблюдение о противоречивом характере американской культуры: она, утверждал он, не едина и напоминает мозаику из противоречивых и находящихся в конфликте ценностей; как бы соткана из противоположностей, возможностей и фрустраций, из несоответствий между целями и средствами. Противоречия внутри американской культуры, не менее острые, чем противоречия между различными культурами, поддерживают в американском обществе питательную среду для постоянного появления индивидов, оторванных от почвы, создают массу двусмысленных человеческих ситуаций. Внутренние дилеммы не менее остры, чем внешние, их влияние на человеческую личность разрушительно⁵. Запомним это, с подобными дилеммами мы встретимся при обсуждении маргинализма в собственной стране.

Критики концепции Парка-Стоунквиста указывали также на необходимость разграничения маргинальной ситуации и других видов культурных взаимодействий: культурного обмена между относительно независимыми обществами; общения между народами, при котором этнические границы остаются относительно устойчивыми; культурных контактов, в процессе которых происходит достаточно быстрое поглощение и ассимиляция индивидов или групп одной культуры другими⁶.

Собственно маргинальная ситуация, по мнению одного из таких критиков — А. Антоновского, заключается в следующем.

Две культуры (или субкультуры) находятся в длительном контакте. Одна из них является господствующей: ее представители обладают властью и возможностью поощрять, не подвержены сколько-нибудь значительному влиянию другой, маргинальной, культуры и не тяготеют к ней. Представители маргинальной культуры достаточно легко проникают через границу, разделяющую эти культуры. Однако образы жизни и мышления две культуры, что позволяет им усвоить образ жизни и мышления господствующей представителей этих двух культур нелегко совместить. Заимствуя идеалы господствующей

⁵ *Golovensky D. The Marginal Man Concept: An Analysis and Critique // Social Forces. - 1952. Vol. 30. - № 3. - P. 333-339.*

⁶ *Antonovsky A. Toward a Pediment of the "Marginal Man" Concept // Social Forces. - 1956. - Vol. 35. - № 1. - P. 57-62.*

культуры, члены маргинальной группы рассчитывают на поощрение со стороны ее представителей. Тем не менее, барьеры между двумя культурными группами все же сохраняются вследствие дискриминации, с одной стороны, и действия факторов, препятствующих "измене" своей культуре — с другой. Маргинальность достигает особой интенсивности, когда конфликт продолжается из поколения в поколение. Маргинальная ситуация выражена особенно ярко в тех случаях, когда личность связана со своей группой прочными узами традиции, культуры, психологическим ощущением принадлежности к ней, но в силу объективных обстоятельств переходит в другую группу⁷.

Некоторые американские социологи полагают, что маргинальная ситуация отнюдь не является источником безнадежности, что и в ее условиях возможно избежать внутреннего разлада и социальной дисгармонии. Это может произойти, по мнению М. Голдберга, в случае, если маргинальный индивид приспособлен к существованию на границе двух культур с детства; если он разделяет и выражает готовность приспособиться к способу существования большинства в своей первичной группе; если всю жизнь он активно участвовал в общественной деятельности, в которую были включены также и другие маргинальные индивиды; и, наконец, если маргинальные ситуации не создают преград на пути к реализации его целей и не ведут к фрустрациям⁸. Окажись все "если" преодолены, маргинальный индивид становится "просто членом маргинальной группы, каждая деталь культуры которой столь же реальна и полноценна для него, как немаргинальная культура для немаргинальной личности"⁹.

Концепция М. Голдберга заслуживает быть отмеченной по многим причинам. И потому, что содержит известный заряд социального оптимизма, и потому, что она основана на консенсусе, а не конфронтации, и потому, что указывает на возможности для маргинальной личности избежать внутреннего разлада. Впрочем, и сам Роберт Парк со временем пересмотрел некоторые свои оценки феномена маргинальной личности на основе более поздних своих социологических исследований в Японии, Китае, Филиппинах, Яве, Индии, Южной Африке. В 1965 году он напишет: "Маргинальный человек — это тип личности, который появляется в то время и в том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества, народы и культуры. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно; вынуждает их принять в отношении обоих миров роль космополита и чужака. Такой человек неизбежно становится (в сравнении с непосредственно окружающей его культурной средой) индивидом с более широким гори-

⁷ Ibid. - P. 57.

⁸ *Goldberg M. A Qualification of the Marginal Man Theory // American Sociological Review. - Vol. 6. - № 1. - 53.*

⁹ Ibid. P. 53.

зонтом, более утонченным интеллектом, более независимыми и рациональными взглядами. Маргинальный человек всегда более цивилизованное существо"¹⁰.

И все же, несмотря на авторитет Р. Парка, эта оптимистическая интерпретация широкого признания не получила. Маргинальная личность по-прежнему рассматривается социологами различных школ и направлений как символ одиозности, своего рода персон нон грата.

Понятие маргинальной личности — одна из наиболее существенных теоретических концепций зарубежной социологии XX века. Творческое осмысление опыта, накопленного американскими учеными в области исследования маргинализма, дает нам понимание этого феномена в следующем виде, обобщенном О. Н. Яницким.

Маргинальность есть проблема общесоциологическая, а следовательно, должна рассматриваться в контексте развития общественных отношений. Интерпретация этого феномена только в терминах этнокультурного противостояния является ограниченной. Маргинальность есть порождение и проявление отношений социально поляризованного общества, создавших в ходе своего развития замкнутые социально-культурные среды. И, наконец, маргинальность есть одно из проявлений отчуждения личности в условиях дегуманизации общества¹¹.

В отечественной социологии под маргинальностью понимается либо ситуация, возникающая при взаимодействии различных, нередко конфликтующих социальных групп; либо статус, обусловленный принадлежностью к двум или более таким группам; либо субкультуры, складывающиеся в области их взаимодействия. Маргинальность интерпретируется как следствие значительной социальной дистанции между группами, проявляющейся в различиях между целями, которые они преследуют; ресурсами, которыми они реально располагают, или механизмами, обеспечивающими их интеграцию. С другой стороны, маргинальность рассматривается как следствие длительного и всеобъемлющего взаимодействия различных социальных групп, продиктованного разделением труда или другими объективно действующими факторами. Взаимодействие различных социальных групп приводит к расшатыванию их нормативно-ценностных систем, что сопровождается нарушениями социальной регуляции поведения, проявлениями асоциальности, негативными психическими состояниями индивидов¹².

А теперь, вооружась теорией, перейдем к нашей социальной практике.

¹⁰ Park R. E. Cultural Conflict and the Marginal Man // Theories of Society. – N. Y., 1965.

¹¹ Яницкий О. И. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. – М., 1975. С. 163-164.

¹² Краткий словарь по социологии. – М., 1989. – С. 148.

Вышли мы все из народа

Истоки будущего — в прошлом. Чтобы знать, куда идем, необходимо помнить, откуда мы родом. И поэтому заглянем в свое историческое Зазеркалье.

А родом мы — из Октября. Вспомним:
 Весь мир насилья мы разрушим
 До основанья, а затем
 Мы наш, мы новый мир построим:
 Кто был ничем, тот станет всем!

Строить новый мир мы начали по ликвидаторскому сценарию.

Царскую фамилию — в расход, дворян — к стенке, духовенство — туда же, чтобы не травило народ опиумом, интеллигенцию — в эмиграцию, чтобы не умничала. Этого оказалось недостаточно. И пошло-поехало: крестьян раскрестьянили, казаков расказачили, пролетариев, от имени которых совершалась революция, выкосили гражданская война, сыпняк и голод, уцелевших выдвиненцев впоследствии произвели в ранг "врагов народа" со всеми вытекающими из этого действиями. Старый мир был разрушен до основания. Безжалостно. Но, конечно же, во благо. И началась новая эра.

Основоположник концепции маргинальной личности Роберт Парк, подобно некоторым идеологам эпохи романтизма и Просвещения, справедливо полагал, что войны, революции и миграции — явления одного порядка, поскольку они нарушают естественное течение человеческой истории¹³. Нам ли не знать разрушительной силы этой триады? И можно ли назвать то, что случилось с нами, лишь нарушением естественного течения отечественной истории?

Хлынувшие в город из разоренной, раздавленной деревни крестьяне были тем исходным социальным материалом, из которого мы стали строить новую социальную общность. Мы являли собой невиданный дотоле, странный, перевернутый социум, объятый страхом и движимый инстинктом самосохранения. То был маргинальный мир маргинальных людей, лишившихся корней, традиционных ценностей и нравственных ориентиров; людей, деморализованных чудовищной жестокостью, бессмысленностью и непримиримостью классовой морали; людей, потрясенных апокалиптическим зрелищем рухнувших храмов и попранием христианской морали с ее понятиями добра и зла.

Отрекаясь от старого мира, мы выбросили на "свалку истории" великий нравственный опыт, накопленный тысячелетиями человеческой цивилизации. И вместо заповеди "Возлюби ближнего..." появилась ее антитеза "Брат мой — враг мой".

¹³ См.: Яницкий О. Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. - С. 43.

В нашем первозданном социальном хаосе мы все оказались маргиналами с выморочным этосом. А господ не было. Пока не было. Но они очень скоро появились, такие же маргиналы, как мы, вышедшие, как и мы, из народа. Великий исторический парадокс нашего нового мира в том и состоял, что не было столкновения и противостояния двух культур — господствующей и маргинальной. Исходно мы принадлежали к одной общей культуре, а точнее антикультуре, которая зиждилась на примитивной дихотомии: либо свой, либо чужой. Кто не с нами, тот против нас. Если враг не сдастся, его уничтожают.

Постепенно наш перевернутый маргинальный мир стал приобретать черты некоторой упорядоченности. Обозначились классы: передовой рабочий класс, передовое колхозное крестьянство и прослойка между ними — народная интеллигенция. Появились, наконец, слуги народа... в устном фольклоре. На самом деле их как будто и не существовало. Все вышеозначенные — колхозное крестьянство, новоиспеченный рабочий класс, прослойка и несуществующие слуги — продолжали пребывать в первобытном маргинальном состоянии. В этом качестве их объединяли родовые маргинальные черты: крайне низкая культура, мифологизированное сознание, социальная дезориентация. К этому следует прибавить синдром законопослушания, основанный на постулате: то, что укрепляет власть, не может быть плохим; патологическую агрессивность, угнетающую на корню хилые ростки милосердия; подозрительность, враждебность и нетерпимость к инакомыслию; склонность к популизму; ориентацию на потребительский образ жизни (лучше иметь, чем быть). И, наконец, тотальное злокачественное равнодушие, разъедающее нашу общественную душу. Маргинальный образ "хаты с краю", украшающий этикетку популярной в народе "Пшеничной водки", исполнен символического смысла. Все эти глубинные "родники" щедро питают феномен отчуждения всех от всех, всех от себя, себя от себя. Одним словом, свой среди чужих, чужой среди своих.

И еще одна характерная черта объединяет наши социальные группы. Их воспроизводство осуществляется по одному и тому же сценарию: выдвижение и поощрение послушных и планомерное устранение непокорных инакомыслящих. А поскольку непокорными оказываются наиболее талантливые, смелые и социально активные индивиды, то их изгнание оборачивается для общества драматическими потерями. "Противоестественный отбор" серых и послушных расшатал нашу культуру и науку, парализовал экономику, подточил наше нравственное здоровье. Эта ситуация воспроизводится по расширенному типу: на каждом новом витке воспроизводственного процесса серость и посредственность нашего маргинального общества возрастает, накопление их критической массы угрожает нам многими бедами. Собственно, беды наши мы уже хлебаем сегодня, и горькая эта похлебка, похоже, превратилась в дежурное блюдо.

Однако вернемся к нашим социальным группам.

Насильственная коллективизация породила "странный класс" — не крестьян и не рабочих, с двойной психологией собственников своих микрохозяйств и батраков гигантского анонимного предприятия. Кем сама осознает себя эта масса и чего она хочет, никому... неизвестно", — свидетельствует А. Амальрик¹⁴.

На другом полюсе — в городе — миграционный "девятый вал" вчерашних крестьянских детей подпитывал воспроизводство горожанина нового типа: человека, оторванного от родных корней и традиционного этоса, с трудом вживающегося в новый социум и образ жизни, испытывающего значительный психологический дискомфорт и оттого закомплексованного и агрессивного одновременно. С какой социальной группой идентифицирует себя новообращенный горожанин? Вряд ли он может ответить на этот вопрос. Это загадка, тайна расщепленного маргинального сознания.

Становление личности нового горожанина, его социализация происходили на фоне раскрестьянивания деревни и распролетаризации города. Бежавший ужасов продразверстки, коллективизации, депортаций и голода крестьянин искал и надеялся найти в городе лучшую долю для себя и своих детей. Но из одной неволи он попадал в другую. Собственно, неволя была одна — наша общая несвобода, основанная на неэквивалентном обмене, внеэкономическом принуждении, тотальных репрессиях и страхе, вселенском отчуждении.

Отчуждение от собственности и произведенного продукта, превратившее и крестьян, и рабочих в наемных работников, имело самые роковые последствия и для нашей экономики, и для нашей нравственности. Оно породило паразитизм и иждивенчество, неслыханных размеров воровство и безответственность. Оба класса производителей — и крестьяне, и рабочие — утратили законное право распоряжаться продуктом своей деятельности. Оно было узурпировано государством-монополистом, независимым и от производителей, и от потребителей.

Освободив себя от экономической и моральной ответственности, государство-монополист от имени и во благо рабочих и крестьян провозгласило высшей общественной целью построение коммунизма в нашей отдельно взятой стране. Во имя этой цели все мы, классы-производители и государство-монополист, защищенные броней коллективной безответственности, стали лихо растранижировать наше национальное достояние, подрывая экономический базис страны и деформируя его надстройку.

Внесли свой вклад в этот деструктивный процесс и работники непроизводственной сферы, в первую очередь, торговли. Отторгнутые от собственности, однако наделенные

¹⁴ Амальрик А. А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года // Огонек. - 1990. - № 9. - С. 21.

функцией распределения потребительских благ, в том числе дефицитных, они в немалой степени споспешествовали развалу нашей экономики и морали, расцвету теневых перераспределительных отношений, именуемых в народе нехорошим словом "блат". Высокие общественные цели в соединении с аморальными производственными и торгово-распределительными отношениями — своего рода смесь праведного с грешным — и есть та почва, та питательная среда, в которой родилась и расцвела наша жизнеутверждающая и всепобеждающая, даже здравый смысл, двойная мораль.

Под знаком двойной морали и происходило становление раздвоенного маргинального сознания новоиспеченного горожанина — вчерашнего крестьянского сына. Столкновение традиционной крестьянской морали с ее строгой системой социальных регуляторов и "эмансипированной" двойной морали, культивирующей вседозволенность в обмен на законопослушание, лояльность к власти предрержащим, порождало и продолжает порождать в сознании горожан-неофитов поочередно смятение и растерянность, агрессивность и, наконец, настырность, крикливый апломб и непоколебимую убежденность маргинала в единственной правильности всех своих поступков.

Вот что пишет о вчерашних крестьянских детях, ставших горожанами, Иван Васильев: "Молодое деревенское пополнение городов несло с собой психологию детей "закрепощенного" мужика, удачно избежавшего от повторения бесправной и нищенской судьбы отцов... В характере — высокомерие удачников, в сознании — представление о себе как "наиболее способных", в психологии — стремление жить за счет других, ими повелевая, им диктуя свою волю и переделывая их жизнь на удобный для себя манер под соусом "стирания граней"¹⁵. Высокомерие "новых" горожан Иван Васильев безошибочно выводит из ложно понятой с потребительской примитивностью миссии гегемона. Расул Гамзатов квалифицирует эту социальную группу как "иждивенцев страны". Он пишет: "Сперва мы из хороших землепашцев сделали не очень квалифицированных рабочих. Потом этих рабочих подучили и выдвинули на руководящие должности, сделали из них кабинетных деятелей. Так природные крестьяне стали "иждивенцами страны"¹⁶.

Попав в узкий номенклатурный круг, вчерашние крестьянские дети (а они составляют 80 — 90% низового и среднего этажей управленческой пирамиды) исповедуют религию принуждения, управлять иными способами они просто не умеют. Все они входят в специальную группу, чья жизнь до недавнего времени была тщательно законспирирована, а поступки надежно скрыты за броней коллективной ответственности. Это слуги народа. Они

¹⁵ *Васильев И.* Бумеранг. Как "окрестьянить" крестьянина, объединяя в одном лице работника и хозяина? // Правда. — 1988. — 2 октября.

¹⁶ *Гамзатов Расул.* И все же не вини коня // Правда. — 1989. — 4 августа.

служат ему верой и правдой. Вместе с тем именно эта группа обладает властью, правами санкций и поощрения. И в силу этого является господствующей.

Вот такой странный симбиоз: слуги-господа в одном лице. Вот такой потрясающий парадокс: господствующая группа при маргинальной культуре. И это еще не все. Эта группа создала свою субкультуру, свой этос, свой образ жизни. Пусть основанные на маргинальной культуре, однако существующие реально и имеющие способность к воспроизводству.

Хочу отметить еще одну характерную деталь. Многие маргиналы из других общественных групп, справедливо обвиняя касту слуг народа в узурпации всего, что можно, — нет, чего нельзя! — было узурпировать, включая право распоряжаться свободой и жизнями своих соотечественников, тем не менее проявляют странную терпимость, как только их вхождение в касту "неприкасаемых" становится реальностью. Вот и получается, что кипя благородным негодованием и гневным сарказмом, мы куем в своих народных недрах выдвигенцев в элитарную касту. И пока резерв выдвигенцев не иссякнет, воспроизводство правящей элиты обеспечено.

Для реального вхождения в эту группу недостаточно достичь необходимого уровня профессиональной и общей культуры. Этого мало. И не оттого, что маргинал нехорош, а потому что властвующая элита, ревниво охраняя свою кастовую неприкосновенность, отторгает чужака. Реальное вхождение в элитарный слой обеспечивает маргиналу право на принятие решений, свободу выбора, стабильность его жизненного процесса и разнообразие форм социальной и творческой активности. Как раз этого и стремится не допустить господствующая группа на всех уровнях ее структуры.

Поэтому пока существуют социальные различия, неравенство в правах и возможностях, маргинальная ситуация будет постоянно воспроизводиться. И никакая интеллектуализация деятельности маргинала, никакой его творческий рост и приобщение к культурному богатству сами по себе маргинальные проблемы не разрешат.

Итак, господствующая группа — это номенклатура всех уровней, бюрократия, или как говорят сегодня, аппарат. Это у них власть, ну и, конечно же, привилегии тоже у них. Это они обеспечивают нам реализацию принципов личной свободы, правопорядка и демократического управления и осуществляют контроль за ними. Так было раньше, так было всегда. Отчего же наша жизнь никак не наладится?

"Нигде в мире нет такой бюрократии — некультурной, некомпетентной, неподготовленной к управлению, но взявшей на себя смелость управлять всем. Не умея управлять, эта бюрократия замечательно умеет подчиняться"¹⁷. С этим наблюдением Эдварда Радзинского еще несколько лет назад было трудно спорить, однако наша новейшая история,

¹⁷ Радзинский Э. какой идее служим. // Известия. - 1989. - 24 августа.

изобилующая примерами бескомпромиссного противостояния внутри самой бюрократической элиты, опровергает этот тезис о синдроме послушания. Каким же образом происходила регенерация бюрократической элиты в нашем недавнем "вчера"? Обратимся вновь к авторитету А. Амальрика. Он полагал, что ее воспроизводство происходило бюрократическим путем отбора наиболее послушных и исполнительных. Вытесняя из правящей касты наиболее независимых и самостоятельных, каждое новое поколение бюрократической элиты воспроизводило традиционные "родовые черты", но становилось все слабее и нерешительнее.

А. Амальрик пишет: "Привыкнув беспрекословно подчиняться и не рассуждать, чтобы прийти к власти, бюрократы, наконец, получив власть, превосходно умеют ее удерживать в своих руках, но совершенно не умеют ею пользоваться. Они не только сами не умеют придумать ничего нового, но и вообще всякую новую мысль они рассматривают как покушение на свои права"¹⁸. Главное, чтобы ничего не менялось, чтобы все было, как было: признавались авторитеты, помалкивала интеллигенция, а опасные и непривычные реформы не расшатывали систему. Понятие власти уже не связывается ни с доктриной, ни с личностью вождя, ни с традицией, а исключительно с властью как таковой¹⁹. Инстинкт самосохранения заставляет бюрократическую элиту цепляться за власть, и цепкость ее и живучесть поразительны. Власть, пожалуй, главная цель, главная ценность и единственная "роковая страсть" правящей касты. И делиться с кем-либо ею она не намерена. Таков в наиболее общих чертах этос господствующей группы.

Наиболее независимая в интеллектуальном отношении социальная группа — наша народная интеллигенция — хоть и в меньшей степени, но все же достаточно маргинализована. Она также множила свои ряды преимущественно за счет крестьянских детей, и это не могло не наложить отпечаток на ее сознание и поведение. Потомственная интеллигенция в нашей стране практически отсутствует, тоталитарный режим выморил ее. Те немногие индивиды, которые уцелели в "буднях великих строек", предпочли сохранять лояльность по отношению к административно-командной системе, изменив тем самым своему этосу. Правда, именно этот тончайший слой интеллектуальной элиты время от времени рекрутировал из своих рядов диссидентов, взрывавших кладбищенскую тишину нашего общественного консенсуса в доперестроечные лета. Однако людей этих можно перечесать по пальцам.

Давно ли Вы читали рассказы Михаила Зощенко? Они — не что иное, как хрестоматия бытового маргинализма. Маргинальные герои населяют прозу Михаила Булгакова, Ильфа

¹⁸ Амальрик А. А. Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года. – С. 19.

¹⁹ Там же.

и Петрова. Они живут в песнях Высоцкого. Их речь блистательно воспроизведена в устных, очень смешных рассказах Михаила Жванецкого. Герои смешны, оттого что узнаваемы, узнаваемы и ситуации. Да, это все мы, люди из народа, это реалии наших и минувших дней. Очень смешные реалии... И совсем не смешны мы сами, прототипы этих героев. Отчего же?

Скажи мне, кто твой враг?

Наше перевернутое маргинальное сознание отторгает традиционную, ориентированную на добро формулу: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Какие уж тут друзья, когда нас столько лет окружали одни враги, шпионы и вредители.

Алло, мы ищем врага! Нашему популистскому сознанию враг жизненно необходим. Как только он найден, мы испытываем облегчение. Есть субъект вины, есть с кем бороться, есть кого побеждать. А если враг отсутствует, его необходимо придумать. Что мы и делали на протяжении долгого времени. Вот здесь мы преуспели. Несть им числа, нашим врагам, имя им — легион. Кого только не было среди них — от отдельных индивидов до целых народов. И внутри державы, и за ее рубежами. А еще в своей собственной семье. Брат мой — враг мой... Миф о враге позволял держать народ в узде, воспитывал в нем классовую непримиримость и идеологическую стойкость, поддерживал иллюзию национальной исключительности и выполнял множество иных функций. И мы поверили в этот миф, обжили его пространство. Миф о враге стал частью нашего самосознания. Он льстил нам: если есть поверженный враг, то есть и народ-победитель.

На одном полюсе — кулак-мироед, на другом — его сын-герой Павлик Морозов. К нам заброшен диверсант? Путевой обходчик и проникательные пионеры его разоблачат. А вот резидент иностранной разведки, рекомендую. Не беспокойтесь, за ним уже следят усталый полковник и неутомимый старший лейтенант. А вот на телевизионном экране наш человек Макс-Отто фон Штирлиц интеллигентно прощается с гитлеровским офицером: желаю Вам, генерал, победить всех Ваших врагов! Мы сломим им голову! — отвечает генерал.

Куда более опасной оказалась та грань мифа о враге, которая была обращена в сторону наших ближних и, в конечном счете, нас самих. Миф вьелся в наше сознание, разъединил нас, сделал подозрительными и безжалостными. С ним мы и вступили в эпоху перестройки. За минувшие десять лет мы многое узнали о себе, в чем-то изменились, во многом остались прежними, а синдром врага все еще владеет нашими умами. Не оттого ли так живуч его образ, что удобен всем нам?

Скажи мне, кто твой враг? Вопрос этот тонкий, я бы сказала, гносеологического свойства. Если брат мой — враг мой, тогда кто же я сам? Знай мы точный ответ, мы бы приблизились к пониманию нашей загадочной общественной души, нашей тайны, которая, как айсберг, по самую макушку упрятана в глубоководных безднах нашего мифотворчества. И наш мифологический океан, в отличие от библейских вод, не освящен духом божьим.

И все же, скажи мне, кто твой враг?